

Сам он тоже неплохо знал английский. В знатной семье Цинь образованию придавали большое значение, даже усыновлённого ребёнка с детства тщательно обучали. Он хорошо учился, его отправили на стажировку за границу, и если бы Сюй Сицзин сам не сбежал, чтобы стать стажёром, он, возможно, до сих пор корпел бы над книгами.

Лао Сун кашлянул. Сюй поднял на него взгляд. Тот поставил еду на стол и позвал его обедать. Сюй не мог оторваться от телефона даже за едой. Матушка Чжан приготовила тушёные свиные рёбрышки в соусе, и он, сам того не замечая, съел несколько кусков одним за другим. В конце концов Лао Сун постучал палочками по его руке:

— Хватит есть. Съешь так много — завтра с утра лицо опухнет, как тогда гримироваться?

Сюй потерял интерес к телефону, недовольно положил его экраном вниз и, кусая палочки, посмотрел на Лао Суна:

— В следующий раз не приходи со мной еду, пусть Фэн Тин принесёт.

Фэн Тин была его ассистенткой, молодой и сговорчивой.

Лао Сун проигнорировал его просьбу, кивнул на телефон:

— Что, завидуешь?

Сюй фыркнул:

— Чему тут завидовать?

Лао Сун согласно кивнул:

— Действительно, нечему. Господин сказал, что когда закончишь съёмки, этот сериал отправят на зарубежный телефестиваль. Если захочешь «засветиться», тоже можешь съездить.

Сюй, водя пальцем по экрану телефона, рассеянно ответил:

— Господин слишком старается соблюдать равновесие. Я не настолько мелочен. Не стоит тратить силы на участие в зарубежном телефестивале — только насмешки от сетевых хейтеров навлечёшь. Да и за границу я не хочу. Лучше бы мне дали без всяких отпусков до конца доснять сериал — вот это было бы счастье.

Лао Сун рассмеялся:

— Боюсь, это маловероятно. Утром ты меня перебил, и я так и не нашёл случая тебе сказать. Господин сегодня утром упомянул, что после совещания заедет тебя проведать. Совещание закончится после полудня, так что, я прикидываю, он уже должен подъезжать к съёмочному городку. Просто предупреждаю.

Сюй почти не отреагировал, лишь промычал «ага» в ответ, а потом сказал:

— Ну, тогда иди.

Лао Сун встал, хотел что-то сказать, но в итоге лишь произнёс:

— Используй шанс.

В ответ Сюй лишь презрительно хмыкнул.

Вскоре после ухода Лао Суна послышался звук прикладываемой к считывателю карты. Сюй Сицзин стоял у двери, вытянувшись по струнке, встречая Цинь Цзэюаня. Тому стало смешно видеть его, словно швейцара. Он ущипнул Сюя за щеку:

— Такой послушный? Специально меня ждал?

Сюй кивнул. Цзэюань, обняв его за плечи, повёл внутрь. Увидев на столе неубранный ужин, он спросил:

— Уже поел? Я ещё нет, посиди со мной, поешь ещё немного.

Сюй замотал головой, словно детская погремушка:

— Нельзя. Лао Сун не велел мне есть, а то лицо опухнет, завтра грим не ляжет.

Цзэюань уже сел за стол и, услышав это, бросил на него взгляд:

— Вот и расплачиваешься за свои решения. Сам, сбитый с толку, захотел быть стажёром и звездой — теперь и расхлёбывай.

Сюй промолчал. На самом деле он уже едва держался на ногах от усталости. Прошлой ночью его изрядно помяли, не дали выспаться, весь день шли съёмки, вечером наконец-то появилось свободное время передохнуть — и теперь ещё приходилось тратить силы на словесные баталии с Цзэюанем. Он был совершенно измотан.

Порой Сюю казалось, что Цзэюань уже довёл его до невроза. Лебезил ли он, трепетал ли — всё это вращалось вокруг одного Цзэюаня. Он изо всех сил тянулся вверх, старался расти, но был всего лишь сорняком под его сенью. Стоило Цзэюаню вспомнить о нём и приласкать — и он расцветал. Стоило Цзэюаню применить немного своего искусства — и он готов был сдохнуть.

Поистине безнадёжная и безвыходная жизнь.

Цзэюань, видя его безжизненность, великодушно махнул рукой:

— Иди помойся и ложись спать.

Сюй поспешно юркнул в ванную. На середине процесса туда же зашёл Цзэюань — с обнажённым торсом, демонстрируя крепкое, мускулистое тело. Сюй, казалось, уже привык к его непоследовательности и даже не удосужился поднять на него взгляд из интереса. Такое отношение немного раздражало Цзэюаня, и движения его стали жёстче.

Сюй упирался руками в стену ванной. Прохладная плитка немного проясняла сознание. Он отвернул голову, в мыслях стоял гул. То думал: Цзэюаню уже за тридцать, а выносливость всё ещё такая — просто ненормально. То думал: а если бы выносливость была плохой, как бы он справлялся с несколькими любовниками одновременно?

Думая об этом, он не сдержал короткий смешок. Цзэюань тут же уловил этот звук и принялся трахать его ещё яростнее. Сюй не выдерживал, хотел что-то сказать, но не мог вымолвить ни слова, только прерывисто постанывал:

— Не... не надо...

Цзэюань притянул его талию к себе и злобно прошипел:

— Не надо? А зачем тогда так сильно сжимаешься?

Если бы у Сюя были силы, он бы закатил глаза. Он хотел сказать Цзэюаню, чтобы тот не целовал его в шею — завтра будет сложно гримироваться. Но сейчас он не мог выговорить и полслова.

Пусть будет как будет, подумал Сюй.

На следующее утро, поднимаясь с постели, Сюй чувствовал, что держится только на профессиональном долге. Он достал телефон, посмотрел — было чуть больше пяти. Откинул одеяло, подошёл к окну, посмотрел вниз — в съёмочном городке уже давно начался новый напряжённый день.

Он надел халат и пошёл умываться. Цзэюань ещё спал, поэтому он старался делать всё тихо. Попа болела, на теле же не осталось много следов. Сюй вытер капли воды с лица и усмехнулся.

Выйдя из ванной, он увидел, что Цзэюань уже сидит и разговаривает по телефону. Деловые вопросы Цзэюань от него не скрывал, да и Сюю не было дела до них. Он лишь позвонил на ресепшн, чтобы прислали завтрак.

Время до завтрака было коротким. Сюй успел пробежаться по сценарию на сегодня — и еду уже принесли. Дверь он приоткрыл лишь на щель, но всё равно услышал невдалеке щелчки затворов фотоаппаратов.

Сюй поднял голову и посмотрел — те же самые фанаты, что последние дни дежурили на площадке. Прокатившись разок в его машине, они теперь совсем обнаглели — уже в коридоре окопались.

Увидев, что Сюй поднял на них взгляд, фанатки пришли в ещё больший восторг. С одной стороны, они едва сдерживали волнение, стараясь выглядеть застенчиво и робко, желая ему доброго утра. С другой — без всяких затруднений продолжали нажимать на спуск. Сюй вздохнул и закрыл дверь.

Только повернулся — а за спиной уже стоит Цзэюань. Тот совершенно обыденно произнёс:

— Популярность высокая, обаяние большое.

Сюй знал, что он просто так подобную чепуху говорить не станет. Расставляя завтрак на столе, он ответил:

— Да просто студентки, делать им нечего, вот и скучают.

Цзэюань не стал комментировать эту его отговорку, лишь кивнул, веля ему садиться есть. Сюй был изрядно голоден и не стал продолжать словесную дуэль.

В семье Цинь правила строгие, за едой разговаривать не полагалось. Цзэюань ел мало, слегка попробовал и отложил палочки. Сюй, видя, что тот закончил, вспомнил, как последние дни постоянно его провоцировал, и не посмел слишком уж распускаться — тоже отложил палочки.

Цзэюань, просматривая на телефоне почту, лишь приподнял веки, заметив его движение, и сказал:

— Доешь эту тарелку с креветочными пельменями. А то скажешь, что я тебя морил голодом.

Не сказал бы — ещё ничего, а как сказал — Сюю стало ещё страшнее. У Цзэюаня в постели была лёгкая склонность к садомазохизму. В первые пару лет Сюя каждый раз доводили до полусмерти, а Цзэюань получал от этого удовольствие. Но с тех пор, как Сюй дебютировал, Цзэюань больше к нему это не применял. Неизвестно, внезапно ли он потерял интерес или перенёс свои забавы на Карен. Сюй склонялся ко второму варианту.

Из-за своего статуса и семейного бизнеса Цзэюаню было трудно надолго оставлять кого-то рядом с собой — рано или поздно те начинали в большей или меньшей степени узнавать его и его семейные секреты. Карен же продержалась целых два года — определённо, в ней было что-то особенное.

Впрочем, всё это Сюя не волновало. Он бы только порадовался, если бы Карен оказалась ещё искуснее и смогла настолько очаровать Цзэюаня, чтобы тот «оставил других». Увы, мастерства Карен явно не хватало, и до того, чтобы свести Цзэюаня с ума, было ещё очень далеко. Перед уходом тот лишь небрежно сообщил Сюю, что вечером снова зайдёт.

У Сюя мгновенно разболелась голова, и он, не сдержавшись, выпалил:

— Нельзя.

Цзэюань повернулся к нему. Сюю пришлось, стиснув зубы, объяснить:

— Сегодня неудобно, у меня ночные съёмки, важная сцена.

Цзэюань усмехнулся:

— Ладно, раз наш молодой господин говорит, что неудобно — значит, неудобно. Значит, не приду.

Услышав слова Цзэюаня, Сюй сначала опешил. А когда тот вышел, начал беспокоиться. Цзэюань так легко согласился не приходить — не иначе, опять что-то задумал.

<http://bllate.org/book/16267/1463696>